

О том, как профессор Леопарди ставил мне голос

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том I Стр. 168 - 171.

Да-с, господа, поставить правильно голос -- это не фунт изюму, и не баран начихал, и не кот наплакал, и не таракан... я уж не помню, что такое там наделал таракан. А я испытал, знаете, это удовольствие собственным животом, спиной и горлом.

Меня в это пагубное дело втравили, понимаете, мои знакомые, у которых я на маленьких семейных вечерах, так себе, кое-что пел: "Проведемте, друзья", "Нелюдимо", "Не искушай" -- и другие домашние штуки. Вот они мне и стали твердить в одну дудку: "У тебя голос, голос, голос. Смотри, теперь повсюду открываются голоса. Был себе обыкновенный адвокат, или письмоводитель, или булочник, или портной, или учитель чистописания, а глядь-- открылся голос,-- и он теперь тысячи загребаёт, и всемирная слава. Главное -- надо вовремя голос поставить. Иди к профессору Леопарди. Он чудесно ставит голос. Первый мастер". И вот я, знаете, пошел. Явился. Встречает меня сам профессор. Этаким, знаете, понимаете, мужественный итальянский старик, вершков девяти ростом, на голове грива, золотые очки, эспаньолка. Поговорили с ним о том, что искусство петь -- великое искусство, что поставить голос -- это не таракан и так далее и что в этом деле самое главное -- терпение и прилежание. Затем маэстро спрашивает меня:

-- Итак, начнем?

-- Начнем, профессор.

-- Ви котов?

-- Д-д-да!-- отвечаю этак неуверенно.

-- Завсем котов?

-- Н-н-д-да...

-- Испытаем сначала диафрагма. Держись! Понимаете: не успел я моргнуть глазом, как он наносит мне зверский удар кулаком под ложечку. Что-то в животе у меня делает--уп!.. Разеваю рот--не могу вздохнуть. Сгибаюсь, знаете, пополам, сажусь на корточки. Вся комната плывет мимо меня в какой-то зеленой мути, а по ней вертятся огненные колеса.

Профессор приподымает меня, ласково треплет по плечу, дает стакан воды.

-- Нишшево, *mon ami* [*мой друг - фр.*], нишшево, нишшево. О, совсем здоровый диафрагм. Другой ученик лежит на пол, как один кадавр [*труп (от лат. cadaver)*]. Теперь открой немножко рот. Так. Еще немножко. О-о! Этих четыре зуб долой, прочь, совсем прочь. Гланды вырезать. Язык подрезать. Маленький язык немножко -- чик.

Потом он, знаете, потащил меня к пианино.

-- Теперь попробуем голос. Пой вот это: а-а-а-а, а-а-а-а. Ну, я, конечно: а-а-а-а, а-а-а-а.

-- Не так, не так. Твой поет, как коров. Пой еще один раз.

Я, понимаете, на него вовсе не обижался, что он мне тыкал. Я, знаете, заранее слышал, что он всем любимым ученикам говорит на "ты". А если на "вы", то, значит, никакой нет надежды.

-- Пой еще один раз. Пою.

-- О, черт побери, у тебя ни кож, ни рож, ни *voix* [*голоса - фр.*]. Упирай звук на диафрагм. Пой так, как будто у тебя живот болит.

Пою.

-- Не так, не так! Служитель, принесите один полотенц.

Приходит служитель. Понимаете, этакая суровая, небритая фигура, вроде сторожа из анатомического театра, на лице мрак и отчаянная решимость. Меня обвиняют вокруг талии полотенцем, профессор берется за один конец, служитель за другой, оба упираются ногами мне в бедра и тянут каждый в свою сторону.

-- Пой,-- кричит профессор.-- Глубже звук, ниже, ниже. На диафрагм.

Кровь бросается мне в голову. Я чувствую, как краснею, потом синею, глаза у меня выкатываются наружу, и наконец я хриплю, как удавленник.

-- О-о! Я так и знал. Тенор ди-грация. Теперь попробуем свободный звук. Высунь ваш язык.

Я, знаете, повинуюсь. Профессор тем же самым полотенцем обвертывает крепко мой язык и вытягивает его наружу, до соприкосновения с верхней пуговицей жилета.

-- Пой! Э-э-э-э, э-э-э-э...

Пою. Понимаете, кашляю, давлюсь, но пою, пою.